
Здравствуй, мама! Как ты, мама?
Сено есть, коза жива.
Телек, первая программа,
цифровая трын-трава.

Большевик играет в ящик,
говорит и говорит.
Борщевик руками машет,
удивительный триффид.

Печка щёлкает, гудит.
Мама, мама, чай налит!
Автолавка раз в два дня.
Что ты смотришь на меня?

Мама, мой проект закрыли.
Сын дурак, хёндай в кредит.
В почках камни, жопа в мыле.
Мама смотрит и молчит,

как молчит столетний ельник.
За околицей сочельник,
снег, берёзы и морозы
и предчувствие угрозы.

Чу! Звонит в сосульках иней,
на дороге мёрзлый йод.
Печь горит, коза жует.
Мама, страшно, помоги мне!
Баба с вёдрами пустыми
зимний путь перечеркнёт.

Когда сходящая с полей
вода собой заполнит реки,
воссоздадимся из углей
мы - человеки.

И станет молодой творец
смотреть внимательно в торец
тому, что ожило и сплыло:
немного глины, огурец,
две палки.
Что ещё? Забыла.

Сциллы и другие первоцветы
молча вылезают из земли.
Сциллы, под землю есть поэты?
Говорят - искали, не нашли.

Кровь и почва есть, нашлись и корни,
сохнет глина, спит вороний глаз,
молча на березовой иконе
короед скоблит сырой левкас.

Не хочу, не надо, не такую!
Тише, сциллы! Смолкни, небыль вся!
Посмотрите, как они ликуют,
чикают, курлыкают, токуют,
под суровым облаком вися.

яблоки падают до того
как успевают созреть
человек
освобождается по УДО
чтобы уйти в смерть
я в столбик складываю слова
лошадь яблоко ест
у птицы чёрная голова
трава похожа на крест
в небе шевелится молоко
в речке течёт квас
и видно
видно так далеко
что слёзы текут из глаз

Ельник да озеро, дальше куда мне?
Высоковольтка сгнила.
Зеленью взятые белые камни
и ни кола ни двора.

Что-то почудится и растворится.
Иглы роняет сосна.
Так с оцинковки стираются лица,
а до того - имена.

Вечное – только горенье кипрея,
луг с разнотравьем простым.

То ли туман, то ли дым, то ли время
над перелеском пустым.

Над совиным лесопарком
птица, быстрая помарка.
В сером воздухе весна
из-под горя не видна.

Горе, скройся! Птица, взвейся!
Человек под ней, рассмейся!

Смотришь в небо – нет, едва ли.
Небо мелют жернова.

Песня, нитка-прилипала,
липнет к краю рукава:
День прошёл, а я отстала,
день прошёл, а я жива.

Косая тень заходит на плетень,
бекас и выпь третируют болото.
Сырой штакетник серых деревень
и валуны по берегу Волкоты.

Кем это небо соткано, зачем
запутано в холодные верёвки?
Печаль внутри нетопленных печей,
бетонная коробка остановки.

Как тихо без гостей и новостей
проходят дни не праздно и не скорбно.
Фонарный столб: товары для детей.
Распилка дров. Доставка комбикорма.

Я вышел в сад, гремело шесть утра,
стоял туман, как зыбкая гора,
и я под ним не мог пошевелиться.
К асфальту листья прижимали лица -
не шевелясь, учились быть людьми.
Берёза с облетевшими плетями
была как гроб, что берестой обтянут.
Я вышел в сад, играющий костями –
стоял туман, висел обрывок гимна.
Я вышел в сад, я спасся, всё погибло.
Туман творил себя как волшебство -
я шёл насквозь, не встретив никого.

Скрип натужный осиновой выи,
хомуты, холуи, колеи.
Децибелы беды золотые,
лубяные основы мои.

Из кустов вылетает тетёрка,
человек выпивает полста.
Ты одна, козырная шестёрка -
бубны козыри, ходим с креста
и уходим, в парадном и смертном,
припасенном на самый потом.
Догорает на севере скверна,
после нас наступает потоп.

Знал бы прикуп - смастрячил кораблик,
но забыл, как его вырезать.
Из кустов появляется Павлик
и сипит: «Не серчаешь ли, бать?»
Нас кромешная рать.

кипрей растёт на горелом
а я уже не расту
цветёт черемуха белым
жёлтым цветёт насту

паёт на горло зрелость
с головой засыпает ночь
корнеобходима смелость
чтоб уходить в поч

тихий седой лёгкий
кивает вслед ветерку
птичий голос далекий
говорит ку

Грунтовка на три версты,
колодец при журавле,
и ты, настоящий ты,
малюсенький на земле.

Растерянный, как зерно -
и галки галдят, клюют.
Тюль бабушкина, окно,
беленая печь, уют...

А радио на суку
все мелет свою муку.
Москва, говорит Москва.
Трава шелестит, трава.